

ИВАН ИВАНОВИЧ ПАНАЕВ

ПИСЬМО ПОСТОРОННЕГО
КРИТИКА В РЕДАКЦИЮ
НАШЕГО ЖУРНАЛА
ПО ПОВОДУ КНИГ
Г. ПАНАЕВА И «НОВОГО
ПОЭТА»

Иван Панаев

**Письмо постороннего
критика в редакцию нашего
журнала по поводу книг г.
Панаева и «Нового поэта»**

«Public Domain»

1861

Панаев И. И.

Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г. Панаева и «Нового поэта» / И. И. Панаев — «Public Domain», 1861

«Милостивый Государь, В литературе я человек совершенно посторонний. Я не знаком ни с одним редактором, ни с одним литератором, ниже публицистом, и хоть мне уже не мало лет, но я даже и в глаза не видывал ни одной из этих особ. Мне дела нет ни до их наружности, ни до их положения в свете: я люблю или не люблю их, хвалю или браню их только на основании их сочинений или их журналов...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г. Панаева и «Нового поэта»

«Оставляя в стороне всякия личности, обходя молчанием все посредственное, если оно не вредно, «Время» будет следить за всеми сколько-нибудь важными явлениями литературы, останавливать внимание на резко выдающихся фактах, как положительных, так и отрицательных, и без всякой уклончивости обличать бездарность, злонамеренность, ложные увлечения, неуместную гордость и литературный аристократизм – где бы они ни являлись. Явления жизни, ходячие мнения, установившиеся принципы, сделавшиеся от общего и слишком частого употребления кстати и не кстати какими-то опошлившимися, странными и досадными афоризмами, точно также подлежат критике, как и вновь вышедшая книга или журнальная статья.»

(Из вашего объявления)

Милостивый Государь,

В литературе я человек совершенно посторонний. Я не знаком ни с одним редактором, ни с одним литератором, ниже публицистом, и хоть мне уже не мало лет, но я даже и в глаза не видывал ни одной из этих особ. Мне дела нет ни до их наружности, ни до их положения в свете: я люблю или не люблю их, хвалю или браню их только на основании их сочинений или их журналов. А читаю их я очень прилежно, потому что в моем уединении мне и делать больше нечего. Ни с кем из них я никогда не был в переписке, и если теперь решаюсь изменить, не скажу этому правилу, а просто факту, – то потому что чувствую в этом потребность. К тому же я прочел вашу программу, в которой вы с такой похвальной, а вместе с тем и странной самоуверенностью говорите о вашем беспристрастии. Извините меня, милостивый государь, если в этом я позволю себе усомниться. Я не знаю ваших лет, но знаю мои года и думаю, что как бы ни зарекался человек быть беспристрастным, а все-таки не выдержит. Живой человек.

Я же в деле литературы, повторяю, человек совершенно посторонний. Личности для меня не существуют. Пушкин был для меня всегда только книгой. Андрей Александрович Краевский не более как журналом. Г. Катков (имени и отчества не имею чести знать) тоже. Я пережил двенадцатый год, столь славный в наших летописях, и переживаю теперь превращение г-жи Евгении Тур в еженедельную газету. Я пережил славянофилов и западников, время их процветания и постепенного обессиления, и переживаю теперь основание новых журналов, которые с тем и основываются, чтоб помирить врагов, давно уже переставших ссориться. Я пережил натуральную школу, это законное чадо западников, и переживаю теперь появление полного собрания сочинений г. Ив. Панаева.

Я столько пережил, что уже сам хорошенько не знаю, что и кого я теперь переживаю. «Отечественные Записки» в своей октябрьской книжке уверяют меня, что я переживаю литературу скандалов.

Обвинение во всех скандалах, даже в зарождении, в основании всей литературы скандалов обрушивается теперь на голову одного г. Панаева. Обвинение нешуточное и вовсе не такого рода, чтоб можно было перенести его хладнокровно. А впрочем может быть г. Панаев переносит его очень хладнокровно. И в самом деле, что ж тут очень-то горячиться? Правда, обвинение это вызывает к общественному мнению и исходит из двух самых степенных, самых по-видимому осмотрительных органов нашей журналистики. Шуму по поводу скандалов наделано много.

Когда я прочел диатрибу «Отечественных Записок», мне показалось, что вся наша современная литература, начиная с г. Гончарова и кончая Марко Вовчком, есть ничто иное как

огромный скандал. У меня есть сосед по имению, человек добрый, но очень-невзлюбивший русской литературы с тех пор, как поднят был один известный вопрос, – так он теперь все носит с «Отечественными Записками» и всем тычет пальцем, смотрите, дескать, полюбуйтесь, вот она литература-то скандалов. Я б ее еще не так отделал!

И если подумаешь, что весь этот шум, все эти обвинения происходят оттого только, что в фельетонных отделах некоторых журналов задеты две-три личности, уже через-чур зарисовавшиеся перед общественным мнением, личности, которые уже через-чур затолклись у нас перед глазами, так что зарябило у нас до слез, как иногда рябит, когда долго засмотришься на облако *толкуш*¹, снующих перед вами в тихий летний вечер; – так вот, если подумаешь только об этом, то невольно скажешь, что молода еще наша литература, если такие пожилые и почтенные журналы так неловко проговариваются. Впрочем и то сказать, в известные лета начинаешь делать престранные вещи.

Нет ничего нелепее и вместе смешнее этих криков о скандалах, особенно если взять в соображение, что их испускают Отеч. Зап. и Библиотека для Чтения. Я не говорю уже о Петербургских Ведомостях; для нас давно не тайна, что эта газета состоит по особым поручениям и на посылках у Отечественных Записок. Осенние походы её перешли ей по наследству от прежней Северной Пчелы и давно уже перестали удивлять даже нас провинциалов. Впрочем эта газета до того уже упала в общественном мнении, что на нее даже никто не отвечает. Какия нападки она ни делает на Современник или на Русский Вестник, эти журналы даже и не оборачиваются посмотреть, откуда на них сие? Мало видно делать разные улучшения, заводить разных корреспондентов (впрочем надо отдать им справедливость, скучноватых) единственно потому, что другая газета в самом деле улучшается и грозит опасной конкуренцией. Все это внешняя улучшения, и газета по-прежнему будет падать, если не начнет издаваться на прямых, безукоризненных основаниях. Но как могли так переполошиться Отечественные Записки, которые постоянно ратовали за гласность и за свободу мнений. Так-то вот и всегда у нас. Иной господин целую жизнь свою кричит о гласности, приобретает себе этим ранг литературного генерала; начинает смотреть такой важной особой; а чуть крошечку кольнут его, начинает кричать караул, скандал на всю русскую литературу. По-моему мнению у нас скандал скорее можно встретить в так-называемой серьезной статье, чем в стихах и фельетонах. И в самом деле весь скандал, о котором раскричались почтенные журналы, сходится на два на три стихотворения, да на два-три фельетона.

¹ Из всех толкуш самая скучная есть без сомнения литературная толкуша. Что бы г. Панаеву в пандан к своей прекрасной повести: «литературная тля» описать литературную толкушу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.